СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ИНДУСТРИЯ
г. Москва
11 АВГ 1987

КУЛЬТУРА. СПОРТ. ИНФОРМАЦИЯ.

В сердце было моем

Тамара МАКАРОВА:

«Героев выбирает время»

Хозяйка дома — народная артистка СССР, Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии СССР Тамара Федоровна Макарова — вводит меня в просторную комнату, уставленную шкафами с книгами. «Кабинет Сергея Аполлинариевича»,— замечает мимоходом, усаживая за широкий стол, сама устраивается в кресле напротив, поднимает на меня спокойный ясный взгляд... И будто нет прошедших лет.

Я вновь вижу ее глазами семилетней девочки, только что посмотревшей «Первоклассницу» и мечтающей теперь, чтобы ее учительница была точь-в-точь такой же, как Анна Ивановна из фильма. Впрочем, так и случилось. Первого сентября на школьном дворе я сразу нашла свою первую учительницу: та же строгая светлая блузка, так же высоко подобраны над чистым лбом волосы, тот же спокойный ясный взгляд. Что из того, что зовут ее иначе? Главное — я узнала ее...

Тамара Федоровна улыбается моему рассказу:

— Все так и было. Картины выходили на экран, и в моих героинях зрители видели себя, своих близких, своих современниц, наконец. И я была не одинока: так же узнавались героини Марины Ладыниной, Любови Орловой, Евгении Мельниковой... В чем тут секрет? Ведь не себя же мы играли, изображая на экране полярного врача Женю Охрименко из фильма «Семеро смелых», Наташу в «Комсомольске», уралочку Груню в «Учителе», трактористку Марьяну в «Трактористах», ткачиху Таню Морозову в «Светлом пути», летчицу Быстрову в «Летчиках» .. Не себя, но и — к чему лукавить! — чуточку себя, и уж, конечно, в большой степени тех, кто сидел в зале, — тех самых ткачих, трактористок, летчиц. Да и могло ли быть иначе?! Наша молодость счастливо совпала с молодостью страны. Вспомните: в тридцатые годы на арену общественной жизни вышла новая женщина — передовая, активная, смелая. Паша Ангелина, сестры Виноградовы, Марина Раскова... Сейчас их имена стали легендой, а тогда они были рядом. Их боевой, задорный характер, умелые руки, горячие сердца были отражением эпохи — героической, хотя и многотрудной. И сотни тысяч менее известных их подруг столь же упорно осваивали свое новое положение. Не стань я актрисой, мне кажется, я все равно нашла бы себя в этом удивительно масштабном времени.

— Насколько мне известно, около десяти лет отделяет ваш кинодебют от роли Жени Охрименко — первой на пути постижения героического характера?

— Да, это так. Но обстоятельство это отмечает не только мое личное «вхождение» в искусство, но и то, какие претерпевал изменения и юный тогда советский кинематограф.

Я родилась в Ленинграде, тогда еще — Петрограде. О сцене мечтала с ранних лет, лицедействовать перед домашними было моей страстью. Но первые настоящие «выходы» на зрителя совпали с годами революции. Я помню и сумрак тогдашних осенних дней, и звук шагов боевых дружин под окнами нашего дома на улице Красных зорь, и свой матросский танец в концертах, устраиваемых для военных... Я тогда училась — правда, недолго — в балетной школе и зарабатывала этими выступлениями взрослый паек: хлеб, сахар, чай, крупу... Это было не только ощутимым подспорьем семье. Уже тогда я привыкала к мысли, что рассчитывать нужно только на свои силы, что главное — стремиться к цели. А цель у меня была: театр. Я даже организовала детский театр в своем дворе. Впрочем, тяга к искусству в то время была огромная, такие «театры», кружки, студии возникали как грибы...

После окончания десятилетки поступила в мастерскую Фореггера. Чему там только не учили: и акробатике, и клоунаде, и пению, и танцу. Но к кино, как вы понимаете, это не имело никакого отношения. Все решил...

— ...Его Величество Случай?

— Он самый. Все оказалось... как в кино. Останавливает меня как-то на улице, как потом выяснилось, ассистентка режиссеров Козинцева и Трауберга: «Хотите сниматься в кино?» Кто же скажет — нет! И все замелькало: назавтра я уже в студии, пробуюсь на роль мацинистки Дудкиной в фильме «Чужой пиджак», послезавтра утверждена, а через три дня уезжаю в первую экспедицию — в Белгород...

Это была поездка ровесников — веселых, остроумных, самоуверенных. Самому старшему из нас — Траубергу — было только двадцать пять. Но в молодости каждый год весом. И я — двадцатилетняя — чувствовала себя в компании девчонкой, да ею по сути и была. Но ходила, задрав нос, мне казалось, все у меня получается, а получалось мало... Что и говорить, лента эта не стала шедевром. Ни Козинцев, ни Трауберг потом о ней не вспоминали. Для меня же реальными результатами этой первой «киноэпопеи» были: первое — через год я стала женой Сергея Герасимова (он тоже играл в этом фильме), второе — поступила учиться в Ленинградский институт сценических искусств. Правда там за мной закрепилось амплуа этаких женщин-обольстительниц. На выпуске мой руководитель даже сказал мне: «Тамара, у вас хорошие данные, но что вы будете делать в советском кинематографе?» Я и сама не очень хорошо это представляла, хотя и чувствовала: все эти «американки» — не для меня. Время требовало иных героев.

— И если все-таки в судьбе актрисы Макаровой наметился решительный поворот, не случилось ли это под влиянием начавшегося вскоре творческого содружества с режиссером Герасимовым?

— Конечно. Какие могут быть сомнения! Но как я уже говорила, именно время предопределило появление нового женского образа в кино. Герасимов, который умел «высматривать, выслеживать» героя в обыкновенных обстоятельствах, в повседневной жизни, первым почувствовал изменение ситуации. Помог и очень хороший сценарий.

Однажды к нам ворвался наш друг Юрий Герман. Он возбужденно говорил: «Вот что надо ставить!» и стучал пальцем по только что вышедшей книге Кости Званцева, бывшего актера, потом полярника, сделавшего любопытные записки о жизни покорителей Севера. Так мы начали съемки фильма «Семеро смелых».

Мы все делали основательно и всерьез. Требовалось воссоздать обстановку, в которой работали полярники? Мы участвовали в двух сложнейших экспедициях: на Эльбрус и Кольский полуостров. Нам и в голову не приходило хоть в чем-то отстать от героев фильма: пробирались сквозь пургу, проходили на лыжах десятки километров по снежной целине, в наступившие полярные дни, работали без отдыха по 16—18 часов... И это не было насилием над собой. Это было нашим внутренним убеждением: показать нравственную высоту героя можно, только работая с максимальной отдачей. Вот тогда на экране появится та правда жизни, к которой так упорно стремилось реалистическое кино.

— Этот творческий метод, названный потом «школой Герасимова», думается, особенно пригодился в годы войны?

— Война, как и всех советских людей, застала нас врасплох. На 22 июня была назначена сдача «Маскарада». Но уже утром в стенах «Ленфильма» мы услышали правительственное сообщение о начале войны.

Наша съемочная группа отказалась от эвакуации, осталась в Ленинграде для работы над фильмом «Непобедимые». Пока готовились к съемкам, жили общей для всех ленинградцев жизнью. Я работала в госпитале — сначала дружинницей, потом медсестрой. Герасимов с другими членами группы — в ПВО. Собирались вечерами в бомбоубежище под павильонами киностудии, читали сценарий. Съемки до конца сорок первого года делали прямо на улицах. Драматичные события, происходившие буквально на каждом шагу, становились пружиной к развитию сюжета. Фильм оказался сродни документу. Когда на Урале мы показывали его эвакуированным ленинградцам, после просмотра ко мне подошла женщина, тихо сказала: «Я видела своего мужа...»

А еще был фильм «Большая земля». Я снялась в нем в роли Анны Свиридовой — женщины, заменившей у станка ушедшего на фронт мужа. Я очень люблю эту роль, но когда меня спрашивают, как я вживалась в нее, не сразу нахожу, что сказать. Это нужно было увидеть однажды — глаза этих усталых женщин, каждая из которых отдала на фронт мужа, сына, брата,— чтобы, сочувствуя им, стараться передать их боль и надежду. И духовную силу простой русской женщины, которая высока и в безутешном горе.

— А как вы чувствовали себя в роли... жены Сергея Аполлинариевича Герасимова?

— Всегда было равновесие. Это было счастливое соединение духовных миров, партийных и общественных позиций. Самые ответственные решения мы принимали сообща: было ли то желание остаться для работы в Ленинграде или подать заявление в партию. Позднее — уже в Москве — вместе вели объединенную мастерскую во ВГИКе, некоторые сценарии к его фильмам были написаны по моим либретто...

Герасимов был обаятельным человеком. Особенно он умел понимать и ценить настроения творческой молодежи. И она отвечала ему искренней любовью. До сих пор самые близкие его и мои друзья — ученики всех поколений нашей мастерской.

— Но в целом отношения между поколениями в кинематографе последних лет нельзя назвать благополучными. Об этом говорилось и на прошлогоднем V съезде Союза кинематографистов...

И я согласна с его выводами. И все же нельзя допускать поспешности. Возвращаясь мысленно к недавнему прошлому, вижу: это были годы крупных ошибок, серьезных просчетов, но в развитии души мы не остановились. Может быть, стало меньше героических характеров, которыми так богаты были предвоенные и военные годы. Но каждому времени свои герои. Я никогда не смирюсь с тем, что иногда приходится слышать: мол, поколение 60—70-х — несостоявшееся. «Мы спорили, негодовали, восхищались, страдали,— говорят мне мои ученики.— И все это пустое?» Конечно, нет. Достаточно вспомнить имена людей — хотя бы только в кинематографе,— которые выросли, возмужали именно в последнюю четверть века: Марлен Хуциев, Василий Шукшин, Николай Губенко, Татьяна Лиознова, Лариса Шепитько, Станислав Ростоцкий, Никита Михалков... Вот почему я призываю к осторожности в ниспровержении авторитетов, к бережности к творческим кадрам: нет ничего хуже безверия — этой эрозии души. И, конечно, к мудрости в переустройстве и нашего кинодела, и общества в целом.

Нынешнее время, названное нами революционным, потребует — уже требует! — прихода нового человека, готового к действию во имя идеала так же, как мы были готовы к нему в годы первых пятилеток. Но если между поколениями воцарится пустота, ему никогда не перешагнуть через нее. Так пусть он придет, этот новый человек, чувствуя твердую почву под ногами.

Беседу вела
М. МЕДВЕДЕВА.